

УДК 94(476)“1917”

Н. Е. Семенчик

Белорусский государственный технологический университет

**ТОРЖЕСТВО И ПРЕВРАТНОСТИ СВОБОДЫ В БЕЛАРУСИ
ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА**

В статье отражены особенности правового положения населения неоккупированных губерний Беларуси к началу четвертого года мировой войны. Показаны результаты внутренней политики Временного правительства, связанной с обеспечением граждан Российской империи, в том числе Беларуси, широких гражданских свобод и избирательных прав. Обращено внимание на процесс обретения жителями Беларуси и солдатами Западного фронта свободы печати, союзов, собраний, а также их (свобод) использование для достижения корпоративных и общественных целей в первые месяцы после Февральской революции. Сделан акцент на негативных последствиях осуществления гражданских прав и свобод в процессе демократизации вооруженных сил, политизации общественной жизни, экономической политики Временного правительства, популяризации радикальных идей на фронте и в тылу летом – осенью 1917 г.

Ключевые слова: мировая война, царизм, Беларусь, военно-полицейский режим Февральская революция, Временное правительство, свобода слова, свобода печати, свобода союзов, свобода собраний, избирательные права, Советы рабочих и солдатских депутатов, профессиональные союзы, политические партии, национальное движение.

Для цитирования: Семенчик Н. Е. Торжество и превратности свободы в Беларуси после Февральской революции 1917 г. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 2 (275). С. 30–36. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-5.

N. Ye. Semenychk

Belarusian State Technological University

**THE TRIUMPH AND VICISSITUDES OF FREEDOM
IN BELARUS AFTER THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917**

The article reflects the peculiarities of the legal status of the population of the unoccupied provinces of Belarus by the beginning of the fourth year of the World War. The results of the internal policy of the Provisional Government related to the provision of broad civil liberties and electoral rights to citizens of the Russian Empire, including Belarus, are shown. Attention is drawn to the process of gaining freedom of the press, unions, assemblies by residents of Belarus and soldiers of the Western Front, as well as their (freedoms) use to achieve corporate and public goals in the first months after the February Revolution. Emphasis is placed on the negative consequences of the exercise of civil rights and freedoms in the process of democratization of the armed forces, politicization of public life, economic policy of the Provisional Government, popularization of radical ideas at the front and in the rear in the summer-autumn of 1917.

Keywords: world War, tsarism, Belarus, military-police regime, February Revolution, Provisional Government, freedom of speech, freedom of the press, freedom of unions, freedom of assembly, electoral rights, Councils of Workers' and Soldiers' Deputies, trade unions, political parties, national movement.

For citation: Semenychk N. Ye. The triumph and vicissitudes of freedom in Belarus after the February Revolution of 1917. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2023, no. 2 (275), pp. 30–36. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-5 (In Russian).

Введение. С советских времен в отечественной историографии закрепилось представление о Февральской революции как о «прелюдии» Октября, поэтому все, что с ней было связано, отражалось с целью умаления ее значимости в истории Российской империи (с 1 сентября 1917 г. республики). Между тем хорошо известно, что 12 марта (27 февраля) 1918 года в РСФСР, СССР и БССР вплоть до 1929 отмечался День низвержения самодержавия, и он, особенно в Бела-

руси, фактически имел статус Праздника Свободы в память о небывалом подъеме демократии и веры в светлое будущее.

Основная часть. С началом войны России против Германии и ее союзников использование политически активной частью населения «дарованных» свобод слова, печати, собраний, союзов значительно осложнилось. В силу законов военного времени партии и профсоюзы прекратили легальную деятельность. На предприятиях

оборонного значения запрещались забастовки. Крестьянское движение снизошло до единичных выступлений. Для евреев существовали ограничения на выезд в российские губернии, а также запрет на занятость в организациях Всероссийских земского (ВЗС) и городского (ВСГ) союзов.

Местная пресса подверглась не только военной, но и политической цензуре. В прифронтовой зоне, а также в армии запрещалась почтовая переписка на немецком, еврейском и латышском языках. Каких-либо коллизий, угрожавших стабильности власти и фронта, здесь не наблюдалось. О неблагополучии в верхних эшелонах власти можно было судить по газетам со стенограммами заседаний Государственной Думы с критикой правительства. Когда по стране разнеслась весть о победе 27 февраля 1917 г. вооруженного восстания в Петрограде, авторитет Думы только возрос.

Николай II в Манифестах от 2 марта 1917 г. утвердил состав нового кабинета министров и объявил об отречении от трона. С подписания этих документов начался временной отсчет России, свободной от самодержавия. 3 марта Временное правительство как высший орган государственной власти в своей Декларации заявило об амнистии, предоставлении свобод, отмене разного рода ограничений, замене милиции полицией, подготовке к созыву Учредительного собрания и др. [1].

Отречение царя освободило вооруженные силы от данной ему присяги и в условиях войны ускорило поддержку ими нового правительства. Церковные иерархи также выступили с призывами к верующим о его поддержке.

6–10 марта в городах Беларуси новые власти совместно с лидерами общественных организаций и при участии милиции осуществили празднование Дня Свободы. Среди лозунгов на транспарантах и знаменах самыми популярными являлись «Свобода», «Учредительное собрание» и «Демократическая Республика».

С первых чисел марта осуществлялась замена полиции народной милицией. Характерно, что из-за отсутствия желающих служить некоторое время в ее рядах числились чины прежней полиции. Что касается чинов жандармерии, то в Беларуси часть их пополнила военную контрразведку, а годные для военной службы были мобилизованы в армию.

В числе тех, кто получил реальную свободу, следует назвать тюремных узников. 5 марта главнокомандующий армиями Западного фронта (главкозп) генерал Эверт А. отдал приказ губернским комиссарам «освободить политических» [2, л. 4]. С учетом того, что таковых в белорусских тюрьмах не содержали, то стали

освобождать осужденных по административным и даже уголовным статьям, прежде всего тех, кто высказал желание пойти на фронт. В результате тюрьмы почти опустели.

Информационные средства прифронтовых губерний оставались под полным контролем военных властей. 4 марта генерал А. Эверт отдал приказ об отмене политической цензуры, а через неделю начался допуск в армию «всяких произведений печати» [3].

Провозглашенная Временным правительством свобода союзов в первую очередь легализовала в Беларуси деятельность подпольных партийных групп. Затем стали возрождаться прежние и создаваться новые профсоюзные организации. Одновременно их лидеры, главным образом бундовцы, а также служащие ВЗС и ВСГ, приступили к созданию Советов рабочих депутатов (РД). В большинстве городов возникли Советы солдатских депутатов (СД) и затем объединились с Советами РД. Советы крестьянских депутатов (КД) создавались по инициативе земских служащих, правительственных органов и партийных деятелей. При этом параллельно и совершенно свободно шло создание партийных, молодежных и женских, национальных и других организаций. В этом смысле население Беларуси, беженцы, военнослужащие, рабочие и служащие ВЗС, ВСГ, Земгора и т. д. представляли собой благодатную среду.

С возникновением Советов ими был налажен выпуск печатных органов (Бобруйск, Быхов, Витебск, Гомель, Горки, Дисна, Минск, Мозырь, Мстиславль, Орша, Полоцк, Речица, Рогачев, Чериков). На протяжении весны – осени действовали органы печати социал-демократов (Минск, Витебск, Бобруйск, Гомель); бундовцев (Минск); большевиков (Минск); эсеров (Минск); народных социалистов (Витебск, Могилев); кадетов (Бобруйск, Горки, Минск, Рогачев); социалист-сионистов (Гомель); Белорусской социалистической громады (Минск, Петроград). В Минске выходили белорусская «Вольная Беларусь», польская «Dzennik Minski» и еврейская «Дер Юд» газеты.

Осуществленные политические свободы делали возможным возникновение разного рода собраний общественности для решения корпоративных и иных вопросов. Первые собрания происходили по случаю празднования Дня Свободы, причем с разрешения властей. Затем необходимость в санкциях на проведение каких-либо собраний отпала. В дальнейшем в городах Беларуси происходили профессиональные, крестьянские, партийные, национальные, конфессиональные собрания, в том числе конференции и съезды. Доселе не виданное в Беларуси количество собраний (лекций, митингов, шествий и т. д.)

имело место летом, во время выборов городских самоуправлений.

Новым явлением в жизни общества стали отмена сословий и уравнивание всех граждан в правах. В частности, избирательными правами наделялись все жители и военнослужащие (за известным исключением). Стало очевидным, что путь развития страны будет зависеть от того, чьи избранники получают большинство голосов в Учредительном собрании.

Принятие всеми военнослужащими присяги на верность Временному правительству, помимо прочего, обеспечило окончательную победу революции, а с ней – возможность демократизации армии, то есть ее избавление от царского наследия в виде узаконенного притеснения «нижних чинов», применения по отношению к ним рукоприкладства, сквернословия и т. д. Все подобные «традиции» палочной дисциплины ощущал на себе рядовой состав полуторамиллионного Западного фронта и тыла. В частности, только 8 марта здесь был отдан приказ генерала А. Эверга о запрещении наказания розгами «порочных солдат» [4, л. 150].

Военный министр А. Гучков полагал, что в ходе обновления армейской жизни вооруженных сил должна быть преодолена взаимная неприязнь между офицерами и солдатами и налажены товарищеские отношения между командирами и подчиненными. В рамках Декларации Временного правительства и те, и другие получили возможность создавать свои организации (комитеты, союзы, советы), как совместные, так и отдельные.

Главной целью преобразования царской армии являлось повышение ее боеспособности. В этой связи военное командование предостерегало общественность от политизации армии. Но ее левоцентристская часть, так называемая «революционная демократия», желала видеть в армии средство борьбы не только с внешним, но и с внутренним врагом. Основную идейно-организационную работу на базе «революционного оборончества» среди солдат действующей армии и тыла взял на себя избранный 17 апреля Исполнительный комитет Западного фронта.

11 мая новый военный и морской министр Керенский А. в целях повышения наступательного порыва войск подписал «Декларацию прав солдата и гражданина» [5]. Этот документ, помимо прочего, выводил солдат в свободное от службы время из подчинения командирам, а также значительно усиливал роль солдатских комитетов в армейской жизни. От управления войсками отстранялись чины, заподозренные в нелояльности режиму, и те, кто выступал против ее политизации и снижения авторитета командиров.

С 22 мая в их числе оказался новый главкозап генерал Гурко В.

Ближе к лету важнейшими темами в прессе и на собраниях являлись целесообразность продолжения войны и способы достижения мира. В этой связи особенно значимым стало то, что армия, точнее ее солдатская масса, не только перестала быть объектом обсуждения названных тем, но и превратилась в их активного участника. Мало того, фронт стал сферой деятельности партий, солдатских и офицерских организаций, средой распространения газет самого разнообразного идейного содержания.

Рабочие также получили возможность открыто отстаивать свои классовые интересы. Тому же способствовали созданные ими партийные, профессиональные и другие (Советы РД, фабрично-заводские комитеты) организации. Рабочие Беларуси относили себя к «революционной демократии», связывали свои и общегосударственные цели с Учредительным собранием. Их основная масса ценила значимость полученных прав и свобод и осознавала необходимость их защиты от возможной контрреволюции. Наличие избирательных прав обеспечило им представительство в городских и земских учреждениях, а также правительственных органах. Свобода слова трудящихся находила беспрепятственное выражение на заседаниях Советов, конференциях, съездах, страницах местной и центральной прессы.

Основная масса населения – крестьяне отнеслись к перемене власти без особенного интереса, поскольку она не меняла его жизненного уклада. Не имея достаточного образования и иных возможностей, чтобы на равных со всеми участвовать в политической жизни, крестьянство выслушивало новых агитаторов, но с прежними речами о необходимости поддерживать порядок, производить сельскохозяйственную продукцию, поставлять ее фронту и городу и т. д. Сущность пришедшей свободы хлеборобы не выясняли. Психология крестьянина-собственника не менялась во многом потому, что и потребительское отношение к нему со стороны государства и города оставались прежними. Крестьяне едва проявили интерес к самоорганизации и принимали участие в создании ячеек Крестьянского союза или Совета крестьянских депутатов только по разнарядке земств. Кое-где стали проявляться и негативные последствия агитации. «Свобода у нас принята со значительным анархическим оттенком: “слабо-да, значит, все можно”, – писала газета «Свободное слово» от 9 мая о жизни Михалковщинской волости, Полоцкого уезда. – От крайнего принижения и загнанности население ударились в противоположную крайность: ни с кем, ни с чем не считаться».

По причине неграмотности крестьяне по своему принимали новации. Их участие в выборах земств, как правило, сопровождалось многочисленными нарушениями. Но несмотря на отсталость деревни, сторонники демократического пути развития страны видели в крестьянстве огромный политический потенциал, поскольку от результатов его голосования в Учредительное собрание, по большому счету, зависело будущее России, в том числе и Беларуси. Не случайно, что все политические деятели любыми способами, в том числе через прессу, стремились привлечь сельчан на свою сторону.

В общем потоке общенародного движения в поддержку Временного правительства и нового строя находились люди разных национальностей, жаждавших реальной свободы для своих соотечественников. 5 марта в первом номере минских «Известий рабочих депутатов» в их числе назывались «поляки, евреи, белорусы, литовцы» с призывом к «единению рабочих всех национальностей Великой Руси». Однако уже через неделю «дедушка русской революции» Ковалик С. на собрании российских граждан предложил объединиться всем «без различия племени, национальности и вероисповедания». Местные чиновники также высказались против национальных лозунгов [6].

Отмена 13 марта Временным правительством вероисповедных и национальных ограничений в первую очередь коснулась еврейского населения и вызвало в его среде мощный подъем. Обретенные евреями равные со всеми гражданами права и свободы обусловили их активнейшее участие в партийном строительстве, профсоюзном движении, организации Советов и во всех существовавших формах общественно-политической жизни. Предоставленные свободы позволили им приступить к решению разных проектов, в частности связанных с заселением Палестины как своего национального очага [7].

В целом, еврейское население, как и жители иных национальностей России и Беларуси, прикладывало много усилий в дело упрочения нового строя с перспективой участия в Учредительном собрании, благо тому способствовало наличие в их среде большого количества революционеров «со стажем», интеллигенции, квалифицированных рабочих, владельцев типографий и газет.

18 марта Временным правительством была издана декларация о послевоенном устройстве Польши, поддержанная Петроградским Советом. При их официальной поддержке польские (военные и гражданские) организации находились на особом положении, как субъекты будущего польского государства. Но и поляки имели все права и возможности для того, чтобы укреплять

новый демократический порядок в России и Беларуси.

Что касается белорусов, то их права на автономию, собственное управление, национальную школу и прочее не признавало не только Временное правительство, но и местная «революционная демократия». Используя свою прессу, активистов и сторонников, эсеры, большевики, народные социалисты, «западнорусисты» и прочие деятели всячески препятствовали развитию белорусского движения.

В числе политических противников национального самоопределения оказались также буржуазия, интеллигенция, землевладельцы, земские служащие, чиновники и другие, большей частью объединившиеся вокруг партии народной свободы. У кадетов приоритетами являлись верховенство закона, неприкосновенность личности, всеобщее избирательное право, частная собственность и т. д. Считая себя партией внеклассовой, действующей в интересах всего народа, кадеты выступали за реформационный, ненасильственный путь развития общества, ориентируясь на созыв Учредительного собрания и конституционный порядок.

Отношение к новой власти со стороны помещиков не всегда находило адекватное поведение крестьян и части вновь созданных земельных и продовольственных комитетов, которые приступили к осуществлению аграрной реформы еще до Учредительного собрания. В этом смысле как отдельные землевладельцы, так и их организации были бессильны защищать свое имущество, кроме как через обращения в правительственные учреждения или к военным властям.

Можно заключить, что провозглашенные Временным правительством свободы отвечали интересам подавляющего большинства населения России, свидетельством чего явились массовые празднования Дней свободы, досрочное освобождение заключенных, реорганизация правоохранительных органов, отмена политической цензуры и появление новых печатных изданий, возникновение разного рода общественных и политических объединений, наделение всех граждан (в том числе женщин и военнослужащих) избирательными правами. «Что же завоевала Революция? – писал современник. – Это можно выразить несколькими словами: права человека и гражданина» [8, с. 30].

Каждая свобода в отдельности и все ее виды вместе олицетворяли одну всеобщую свободу от самодержавия, и не случайно, что все массовые мероприятия в марте – апреле 1917 г. проходили под этим лозунгом до времени, когда возможность восстановления самодержавия исчезла полностью. Так, летом – осенью «революционная демократия» Беларуси, как часть

общероссийской, имела развитую организационную структуру, состоящую из тысяч солдатских комитетов, 4 губернских, более 50 уездных и волостных Советов, партийных комитетов всех уровней, до сотни профсоюзов и т. д. Сюда можно добавить представителей социалистических партий, которые преобладали в городских думах и государственных структурах. В своей деятельности «революционная демократия» поддерживала политику Временного правительства, надеясь общими усилиями обеспечить созыв Учредительного собрания.

С возвращением из-за границы В. Ленина относительное единодушие Советов и «революционной демократии» по вопросам состава Временного правительства, достижения мира, решения аграрной реформы и другим стало теряться. Вопреки общим настроениям и пользуясь неограниченной свободой слова, большевики стали призывать солдат к братаньям и немедленному окончанию войны.

Несмотря на то, что Всероссийская акция 18 июня в поддержку летнего наступления имела антибольшевистский характер, на фронте под воздействием большевиков и анархистов солдаты отказывались выполнять боевые приказы. Почти одновременно 3–4 июля в Петрограде солдаты отдельных частей, находившиеся под влиянием большевиков и анархистов, попытались захватить власть.

Характерно, что в нужное для себя время они подтверждали свою принадлежность к «революционной демократии», но чаще критиковали ее лидеров как «согласителей» и прислужников буржуазии. Со своей стороны лидеры социалистических партий «закрывали глаза» на провокационные выходы большевиков, опасаясь внести раскол в свои ряды. В этих же целях они присоединились к большевикам и левым эсерам, критиковавшим решение Временного правительства от 8 июля о введении смертной казни на фронте за особо опасные преступления. Так, военная секция Гомельского Совета настояла на освобождении солдат, арестованных военно-революционным судом за убийство генерала Пургасова А. [9, л. 23].

Преступления с участием военных распространились и в тылу. Так, 22 августа в Мстиславле «на почве политических разномыслий» солдат убил из винтовки учителя [10].

В августе большевизированные части Петрограда превратились в источник опасности для Временного правительства и всего города. Но начатая 25 августа операция под руководством Верховного главнокомандующего генерала Корнилова Л. по замене гарнизона надежными казачьими войсками через несколько дней была объявлена покушением на «свободу и революцию» [11].

Общественность Беларуси сплотила ряды, чтобы отстаивать свободу и демократию. Здесь активность большевиков возросла еще сильнее. Но их агитация за власть Советов, за прекращение войны и антиправительственная пропаганда вызвала у рабочего класса неприязнь и осуждение, поэтому их деятельность была почти полностью перенесена на Западный фронт.

Большевистская «Звезда» за нарушения действующего законодательства о печати была закрыта. Один из редакторов сменившего ее издания «Молот» А. Мясников признавал, что в сентябре лозунги этой газеты «были абсолютно демагогические и провокационные» [12, л. 3].

В сентябре подрывная агитация и пропаганда большевиков, направленная против Временного правительства и военных властей, еще более усиливалась. Так, под воздействием их печати солдаты Гренадерского корпуса 2-й Армии искали случая, «чтобы при первой встрече доказать офицерам их безвластие и свою безнаказанность» [13, л. 1].

В тылу усилились погромные выступления с участием солдат, сопровождавшиеся столкновениями с милицией [14].

С осени усилилось нежелание солдат воевать. Фактически они перестали выполнять свои основные функции по защите государства. Упадку дисциплины на фронте способствовала также «Декларация прав солдата и гражданина», поскольку она усилила власть солдатских комитетов вплоть до их неподчинения командирам. Характерно, что к этому времени все офицерские комитеты были расформированы.

После подавления корниловского мятежа усилилась тенденция к послаблению участи солдат, арестованных и осужденных за воинские преступления, которых наделяли статусом «политических заключенных». В местах заключения Минска их насчитывалось до 800 человек [15].

После Февральской революции в отличие от всех участников обновленного процесса только большевики, зачастую вопреки законодательству, сумели использовать свободы в узкопартийных целях, при этом не подвергаясь репрессиям либо наказаниям. Они позиционировали себя поборниками демократии, объясняли свое выдвижение лозунга «Вся власть Советам!» необходимостью скорейшего созыва Учредительного собрания.

«Революционная демократия», опасаясь контрреволюции со стороны буржуазии или генералитета, даже не допускала такой попытки со стороны большевиков, а между тем последние активно накапливали вооруженные силы и даже объявили в прессе о дне своего восстания в Петрограде [16].

Так что излишняя, не ограниченная общественной свободой деятельности одной партии в скором времени, еще до созыва Учредительного собрания, лишила демократических свобод всех остальных граждан России, в том числе Беларуси.

Заключение. Каждый житель империи, в силу своего образовательного, социального либо иного статуса по-своему осознавал слово «свобода», но в политическом смысле не мог не ассоциировать его с царской властью. После Февральской революции под ним, этим словом, добровольно объединились, главным образом, все противники самодержавия и сторонники демократии, а также те, кто надеялся на возможность в новых условиях значительного улучшения личных, корпоративных, общественных, государственных и иных проблем. Их непрерывным условием и возможностью осуществления стали отречение царя от трона, поддержка армией государственного переворота и конструктивная политика Временного правительства. Уже в первое послереволюционное время она нашла отражение в законодательном предоставлении всем жителям и военнослужащим страны политических свобод и равноправия. Граждане империи, в том числе Беларуси, получили реальные свободы слова, печати, союзов,

собраний и до время активизации большевиков летом 1917 г. использовали их практически бесконфликтно и без ограничений. По мере политизации общественной жизни и ухудшения экономического положения, «революционная демократия» по классовым соображениям усилила идейно-организационную борьбу против имущих слоев и их партий и тем самым ослабила поддержку Временного правительства.

Большевики, спекулируя на военных и экономических трудностях, практически беспрепятственно при попустительстве «революционной демократии» вели антиправительственную агитацию с конечной целью захвата власти. Подобные превратности свободы имели место и в поведении крестьян, которые игнорировали «хлебную монополию» и участвовали в захватах помещичьего и казенного имущества.

Не менее показательна подрывная практика социалистов, использовавших свою прессу, митинговую и служебную деятельность с целью дискредитации белорусских организаций. Главным итогом развития страны, в том числе Беларуси, с весны по осень 1917 г. в условиях обретения общественностью политических свобод стала недооценка угрозы государственного переворота со стороны партии, принадлежавшей к «революционной демократии».

Список литературы

1. Вестник Временного правительства. 1917. 5 марта.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 622. Оп. 1. Д. 2.
3. Минская газета. 1917. 13 мар.
4. Государственный архив Витебской области. Ф. 2289. Оп. 1. Д. 20.
5. Фронт. 1917. 16 мая.
6. Минский голос. 1917. 15 мар.
7. Новое время. 1917. 25 мая.
8. Безымянный М. Как произошла и чего достигла Великая русская революция. М.: Феникс, 1917. 31 с.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 60 п. Оп. 4. Д. 107.
10. Новое слово. 1917. 23 авг.
11. Оршанский вестник. Телеграммы. 1917. 29 авг.
12. НАРБ. Ф. 60. Оп. 4. Д. 147.
13. НАРБ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 23.
14. Минская газета. 1917. 26 окт.
15. Минская жизнь. 1917. 27 окт.
16. Минская газета. 1917. 20 окт.

References

1. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva* [Bulletin of the Provisional Government], 1917, March, 5.
2. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Belarus'* [Natsional Archives of Republic of Belarus (NARB)]. Fund 622. I. 1. F. 2.
3. *Minskaya gazeta* [Minsk newspaper], 1917, March, 13.
4. State Archives of Vitebsk Region. Fund 2289. I. 1. F. 20.
5. *Front* [Front], 1917, May, 16.
6. *Minskiy golos* [Minsk voice], 1917. March, 15.
7. *Novoye vremya* [New time], 1917, May, 25.

8. Bezimyanny M. *Kak proizoshla i chego dostigla Velikaya russkaya revolutsiya* [How the Great Russian Revolution happened and what it achieved]. Moscow, Feniks Publ., 1917. 31 p.
9. NARB. Fund 60 p. I. 4. F. 107.
10. *Novoye slovo* [New word], 1917, August, 23.
11. *Orshanskiy vestnik. Telegrammy* [Orsha Bulletin. Telegrams], 1917, August, 29.
12. NARB. Fund 60. I. 4. F. 147.
13. NARB. Fund 35. I. 1. F. 23.
14. *Minskaya gazeta* [Minsk newspaper], 1917, October, 26.
15. *Minskaya zhizn'* [Minsk life], 1917, October, 27.
16. *Minskaya gazeta* [Minsk newspaper], 1917, October, 20.

Информация об авторе

Семенчик Николай Ефимович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: polity@bk.ru

Information about the author

Semenchyk Nikolai Yefimovich – DSc (History), Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: polity@bk.ru

Поступила 19.09.2023